

Научная статья
УДК 321.01
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай

Александр Николаевич Демьяненко
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, demyanenko@ecrin.ru
Максим Вадимович Клиценко
Высшая школа медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета,
Хабаровск, Россия, 007756@pnu.edu.ru

Аннотация: В статье приводится ретроспективный анализ проблем российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК. В частности, в статье уделяется внимание вопросу формирования трансграничных регионов на субнациональном уровне, таких как Дальний Восток (ДВ) и Северо-Восточный Китай (СВК). В данном контексте выделяется не территория, а регион (независимо от его масштаба), то есть пространственная система. Причем система сверхсложная, открытая и динамичная.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Северо-Восток Китая, трансграничный регион, региональная концепция*

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта ТОГУ: 8.22 ТОГУ "Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: дальневосточное измерение" стратегического плана развития университета до 2030 года "Приоритет 2030".

Для цитирования: Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Experience of interdisciplinary research of the transborder region: the Far East of Russia – Northeast China

Aleksandr N. Demyanenko
Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru
Maksim V. Klitsenko
Higher school of media, communication and service, Pacific National University,
Khabarovsk, Russia, 007756@pnu.edu.ru

Abstract. The article provides a retrospective analysis of Russian-Chinese cooperation problems in the cross-border region of the Far East and Northeast China. In particular, the article focuses on the formation of cross-border regions at the subnational level, such as the Far East (Far East) and Northeast China (NEC). In this context, not a territory is singled out, but a region (regardless of its scale), that is, a spatial system. Moreover, the system is extremely complex, open and dynamic.

Key words: *Russian Far East, Northeast of China, transboundary, regional concept*

The study was financially supported by the PNU internal grant: 8.22 PNU "Russian-Chinese cooperation in new realities: the Far Eastern dimension" of the University's strategic development plan until 2030 "Priority 2030".

For citation: Demyanenko A. N., Klitsenko M. V. Experience of interdisciplinary research of the transborder region: the Far East of Russia – Northeast China // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 80–94. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/80-94>

Введение

В последние годы только ленивый не обращался в той или иной форме к обсуждению проблем российско-китайского сотрудничества. Количество публикаций как в отечественной, так и в зарубежной научной и околонушной литературе, посвященных тем или иным аспектам упомянутого сотрудничества труднообозримо. Тем не менее до настоящего времени существует ряд тем и подходов в исследованиях российско-китайского сотрудничества, которые не получили должного освещения. В частности, это относится к формированию трансграничных регионов на субнациональном уровне, таких как Дальний Восток (ДВ) – Северо-Восточный Китай (СВК).

Наша цель заключается прежде всего в том, чтобы привлечь внимание коллег к реальным проблемам российско-китайского сотрудничества в

трансграничном регионе ДВ-СВК. По нашему мнению, одним из подходов, позволяющим понять механизмы строительства не только упомянутого выше трансграничного региона, но и на других территориях российско-китайского приграничья, является ретроспективный анализ.

Естественно, приграничное сотрудничество или, точнее, трансграничное сотрудничество предполагает наличие территории, в пределах которой это сотрудничество имеет место. Тем не менее до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной науке нет общепринятого понимания ни того, что есть трансграничные территории, ни того, каким образом эти территории следует выделять.

Трансграничный регион ДВ-СВК в данной статье рассматривается как частный случай пространственных социально-экономических систем. Специфика определяется прежде всего самим фактом взаимодействия регионов субнационального уровня по обе стороны государственной границы.

При этом трансграничный регион ДВ-СВК обладает рядом специфических черт. Пожалуй, главная из них заключается в том, что с момента его возникновения в конце XIX в. и по настоящее время этот регион представлял собой место пересечения интересов не только России и Китая, но и других глобальных и региональных акторов, среди которых не только США и Япония, что очевидно, но и Великобритания, Германия.

Вторая особенность рассматриваемого трансграничного региона заключается в том, что конфигурация его границ, как и характер взаимодействий между российским ДВ и СВК находились в процессе постоянных изменений. Более того, на определенных этапах, когда в силу тех или иных причин имела место смена интеграционных процессов на процессы дезинтеграции, трансграничный регион как пространственная социально-экономическая система переходил в латентную фазу.

Еще одна особенность (вполне возможно, эта черта присуща не только рассматриваемому региону) – это несовпадение границ административно-территориального деления и границ трансграничного макрорегиона. Прежде всего отметим, что нет никаких оснований, кроме "удобств управления", рассматривать экономику в пределах ДФО как пространственную систему¹, – скорее всего, это конгломератная структура².

По нашему мнению, в настоящее время в границах ДФО следует выделять как минимум три макрорегиона: Забайкалье, Якутия и Дальний Восток. Эти макрорегионы отличаются друг от друга и по совокупности природных факторов, что находит отражение в структуре ландшафтного пространства³, пространственной организации экономики и систем расселения, то есть в конечном счете в организации социального пространства. В дальнейшем, говоря о ДВ, мы имеем в виду не ДФО, а именно ДВ, и, прежде всего, Южную макророзу в его пределах⁴.

Для СВК (Маньчжурия) в меньшей степени, чем для ДВ, характерно несовпадение границ административных и границ пространственных социально-экономических систем. Показательно, что провинция Ляонин, традиционно рассматриваемая как часть Маньчжурии, в последней сетке макрорегионов (выделенных прежде всего по экономическим, но не только основаниям) одновременно является частью макрорегиона СВК и Бохайского залива [12, с. 48]. Здесь будет уместно отметить, что обособление северной Маньчжурии от южной в явном виде стало проявляться еще до русско-японской войны. Поэтому по изложенным выше причинам, авторы посчитали возможным принять

¹ Достаточно подробно этот вопрос был рассмотрен в ряде публикаций последних лет: [27; 28; 42].

² О конгломератных пространственных структурах [26].

³ О ландшафтных зонах и макрорегионах [16].

⁴ О макроэкономическом зонировании ДФО [7; 12].

СВК без южной Маньчжурии, то есть в самом общем виде в пределах провинций Хэйлунцзян и Цзилинь⁵.

Следовательно, если мы не используем готовую сетку административно-территориального деления (АТД), то нам придётся признать, что определение границ приграничных территорий – задача нетривиальная⁶. И задача становится еще более сложной, если мы намерены осуществить выделение не территории, а региона (независимо от его масштаба), то есть пространственной системы. Причем системы сверхсложной, открытой и динамичной.

Методология и методика исследования

Исходный методологический принцип, которым руководствовались авторы данной статьи, можно сформулировать следующим образом: трансграничный регион представляет собой своего рода пространственную проекцию российско-китайского сотрудничества. То есть мы имеем дело не с неким своеобразным контейнером, вмещающим различных акторов, вовлеченных в приграничное сотрудничество, а с социальным конструктом⁷. И в качестве такового трансграничный регион рассматривается нами как открытая пространственная система, границы которой не только проницаемы, но и находятся в режиме постоянных изменений, что, в свою очередь, обусловлено изменениями в масштабах и формах российско-китайского сотрудничества. Более того, регион в этом случае – это не только категория академического, а отчасти и экспертного, дискурса, но и дискурса общественного, как "просторечная, курсивная единица, плавающая в сознании людей" [47, с. 239].

Скорее всего, нет оснований полагать, что возможно какое-то одно, пригодное на все случаи жизни, решение относительно того, что есть приграничные территории, как и универсальный метод их выделения. И в том, и в другом случае, если не все, то очень многое будет определяться целями исследования и отчасти квалификацией исследователя.

По нашему мнению, своеобразным твердым ядром научно-исследовательской программы, предлагаемой авторами статьи, может стать региональная концепция, которая может быть дополнена теорией сложности (theory of complexity) [34; 35] и теоретическими концепциями из области международных отношений.

Применительно к заявленной теме подход с позиции теории сложных систем к исследованию трансграничных регионов, и в том числе ДВ-СВК, подчеркивает их динамичность, процессуальность и непредсказуемость. Более того, подход с точки зрения теории сложных систем акцентирует внимание на существовании множественных форм организации, в нашем случае сотрудничества в пределах трансграничного региона. При этом, как правило, изменения имеют нелинейный характер; "причины" и "следствия" необязательно пропорциональны друг другу, а микро- и макроуровни анализа неравнозначны⁸.

Что же касается природы трансграничных регионов, то они не являются ни социальными, ни природными. Скорее, в данном случае следует говорить о гибридной природе этих пространственных систем.

И последнее по счету, но не по значимости: так как контролировать будущие состояния сложных систем крайне сложно, то "соответственно, знать заранее, что именно вызовет желаемые будущие изменения, почти невозможно" [35, с. 123]. Но, не вдаваясь в технологии сценарного прогнозирования, тем не менее следует отметить, что всякий раз воссоздание трансграничного

⁵ Отметим, что в научной литературе, посвящённой российско-китайскому сотрудничеству, превалирует "административная" трактовка и СВК (с провинцией Ляонин) и ДВ, которая отождествляет его с ДФО. См., например: [33].

⁶ Показателен обмен мнениями относительно содержания термина "регион" на страницах журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования" [30].

⁷ О регионе как социальном конструкте [48].

⁸ В этой связи приведем мнение одного из экспертов в области международных отношений Г. Кристофферсен: "О чем бы ни договаривались президенты Путин и Си, это модифицируется на местном уровне" [41].

региона ДВ-СВК, будучи процессом нелинейным и трудно предсказуемым, как правило, связано с пересборкой уже существовавших элементов. Это придает особое значение историческому знанию, а следовательно, инструментарию ретроспективного анализа, ориентированного на выявление тех знаний и умений, которые актуальны для выявления и решения современных проблем становления и эффективного функционирования трансграничного региона.

Естественно, что, имея дело со сложным социальным феноменом в качестве объекта исследования, авторы не могли игнорировать и результаты теоретических поисков в социально-гуманитарных дисциплинах. В первую очередь речь идет о целом ряде теоретических концепций, таких как производство пространства А. Лефевра, концепции полей П. Бурдьё и мобильностей Д. Урри, которые с известной долей условности можно рассматривать, пользуясь терминологией И. Лакатоша, как защитный пояс научно-исследовательской программы. И раз речь зашла о защитном поясе предлагаемой научно-исследовательской программы, то она преимущественно состоит не столько из упомянутых выше теоретических концепций (при всей их значимости), сколько из практики применения этих концепций при принятии решений в политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности общества⁹.

Результаты исследования

Сразу отметим, что история российско-китайского сотрудничества нас интересует с конца XIX в., то есть с того времени, когда по обе стороны государственной границы начали складываться (прежде всего на российской стороне) регионы макроуровня (Дальний Восток и Маньчжурия)¹⁰. В пределах этого временного периода характер и направления российско-китайского сотрудничества в регионе не оставалось неизменным. По-нашему мнению, можно говорить как минимум о четырех этапах, отличающихся друг от друга не только движущими силами, масштабами, структурой и формами сотрудничества, но и контекстом. Говоря о контексте, мы имеем в виду как геополитическую, так и внутривнутриполитическую ситуацию.

От КВЖД до японской оккупации Маньчжурии

Этот период, впрочем, как и все последующие, отличался крайней противоречивостью и "размытостью" границ. В самом общем виде временные границы мы определяем следующим образом: начало – это конец XIX в., завершение – оккупация Маньчжурии Японией. Характерная черта (несмотря на вооруженные конфликты между сторонами) заключалась в том, что для Российской империи (затем СССР) и Китая сотрудничество было взаимовыгодным, во всяком случае в экономической сфере.

Несомненно, важнейшим проектом этого периода было строительство, а затем и совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). КВЖД – это не столько, как бы сказали сейчас, инфраструктурный проект, сколько, по-нашему мнению, транспортно-колониационный комбинат, если использовать терминологию начала XX в. Хотя при разработке и на начальной стадии реализации проекта имели хождение мнения относительно того, что Транссиб и КВЖД могут стать своего рода мостом между Европой и Тихим океаном, по окончании русско-японской войны стало очевидным, что обе эти железнодорожные магистрали имеют скорее значение колониационное, чем транзитное. Впрочем, здесь необходимо уточнение: Транссиб имел, несомненно, огромное значение в качестве инструмента колонизации Сибири

⁹ Более подробно этот сюжет рассмотрен в [13].

¹⁰ О становлении дальневосточного макрорегиона [11]. Что же касается становления макрорегиона СВК или, иначе, Маньчжурии, то это в первую очередь работа [3]. Из современных работ отечественных авторов упомянем [12], а из зарубежных авторов особого упоминания заслуживает работа [40], содержащая обстоятельный анализ эволюции концепции макрорегиона в контексте исследования Китая в академическом сообществе, в том числе и китайском.

и ДВ, а вот КВЖД оказала как минимум не меньшее значение для колонизации СВК¹¹ и отчасти Приамурского края.

Однако, как бы ни был значим проект КВЖД, им не исчерпывается все многообразие российско-китайского сотрудничества. Прежде всего, следует упомянуть трудовую миграцию из Китая на строительство порта и крепости во Владивостоке, Уссурийской железной дороги¹². Кроме того, значительное количество китайцев работало на золотых приисках Приамурского края¹³.

Другая форма российско-китайского сотрудничества – это организация выходцами из Китая торговых и промышленных предприятий на территории Приамурского края¹⁴. В свою очередь, российские предприниматели не так быстро, как того хотелось российским властям, создавали промышленные и торговые предприятия в Маньчжурии¹⁵.

В конечном итоге в начале XX в. на сопредельных территориях Маньчжурии (после русско-японской войны – ее северной части), Приамурья и Приморья сформировалась экономическая система, на роль организующего центра которой во все большей мере претендовал быстрорастущий Харбин. Этот город, основанный русскими, достаточно быстро стал крупнейшим промышленным и транспортно-распределительным центром, чему в немалой мере способствовало то обстоятельство, что он имел выходы сразу к Бохайскому заливу Желтого моря (Дальний, Порт-Артур) и в Японское море (Владивосток)¹⁶. Харбин быстро и надолго стал уникальным социальным феноменом, своего рода плавильным котлом, в котором происходил интенсивный культурный обмен¹⁷.

Не столь впечатляющим, но несомненным был экономический рост и ДВ: росли города, шло интенсивное освоение природно-ресурсного потенциала Приморья и Приамурья¹⁸, происходило формирование каркаса транспортной инфраструктуры (морские порты, речные пристани, железные дороги)¹⁹, открывались предприятия обрабатывающей промышленности (показательно, что развитие промышленности, и в первую очередь обрабатывающей, шло на качественно новой технологической основе), росли товароборот и иностран-

¹¹ Здесь уместно привести мнение В.А. Анучина: "Русские буквально "открыли" Маньчжурию для остального мира, в том числе и для Китая", и это "открытие" сопровождалось ростом численности населения с 8,1 млн. чел в 1891 г. до 15,8 млн. чел. в 1908 г. [3, с. 42].

¹² По данным В.В. Граве, "... 77 000 вообще на казенных работах Уссурийского участка Китайско-Восточной жел. дор. и ее поставщиков, т.е. 78% всей рабочей силы на казенных там работах, достигающей 105 000 человек" [9, с. 7].

¹³ Количество китайцев, работавших на приисках, выражалось в следующих цифрах: в 1906 г. – 5 933; 1907 г. – 7 041; 1908 г. – 17 460; 1909 г. – 30 429. [9, с. 63]. Детальный анализ китайского отходничества на ДВ в дореволюционный период дан в [32].

¹⁴ По данным В.В. Граве на выходцев из Китая в 1910 г. приходилось более 4,8 тыс. торговых и промышленных предприятий, тогда как на русских и других иностранцев – немногим более 7 тыс. [9, с. 27–28].

¹⁵ В целом к 1914 г. российские частные вложения в Маньчжурии составили почти 91 млн. руб. [14, с. 48].

¹⁶ Относительно формирования этого трансграничного региона см. также [15].

¹⁷ Это мнение все больше разделяют как отечественные, так и китайские исследователи. См., например: [1; 6; 31].

¹⁸ Приведем только некоторые данные: "В 1913–1914 гг. в морях и реках Дальнего Востока добывалось не менее 10-12 млн пудов рыбы (14–15% общероссийской добычи) и других продуктов моря" [17, с. 313].

¹⁹ Перед первой мировой войной Владивосток вошел в число пяти крупнейших морских портов России. За 1906–1913 гг. общий грузооборот порта вырос в 3,4 раза и достиг 89,7 млн пудов. ... а в 1916 г. – 160,4 млн пудов. За 1914–1916 гг. грузооборот Уссурийской железной дороги увеличился на 54,4%, КВЖД – на 97% [17, с. 319].

ные инвестиции в конечном счете росло благосостояние населения²⁰, что, в свою очередь, стимулировало приток переселенцев из Европейской России.

Конечно, экономические процессы, как и состояние социально-культурной сферы имели нелинейный характер: русско-японская война, смена политического режима в России не могли не сказаться на состоянии трансграничного региона. Но, и это крайне важно отметить, они не отменили того тренда, который был задан С.Ю. Витте.

И здесь следует перейти к оценкам и перспективам развития ДВ, полученным "из первых рук". Для начала мнение Н.Н. Колосовского от 1925 г.: "Дальний Восток в производственном отношении связан с Тихоокеанскими странами. Успехи и неудачи нашего Дальне-Восточного хозяйства обусловлены успехами борьбы за рынки Тихого океана" [24, с. 236]. Под такими словами мог подписаться и сам С.Ю. Витте.

Вернемся в 1923 г., к статье "Перспективы хозяйства Дальнего Востока", в которой мы находим, в частности: "За последние 8 лет, со времени Европейской войны хозяйство нашей Тихоокеанской окраины имело несколько своеобразную судьбу. Оно не имело критической точки 1913 г., характерной для Европейской России, как год максимального подъема. За годы гражданской войны на востоке несмотря на перебои в отдельных отраслях хозяйства, мы все же в общем и целом имеем относительное развитие хозяйства Д. Востока" [23, с. 102]. Иначе говоря, несмотря на мировую войну, интервенцию и гражданскую войну, экономика развивалась. И причина роста экономики, "объясняется главным образом, воздействием на него Японского рынка и с Манчжурии" [23, с. 103].

Если кратко подвести итоги первого этапа российско-китайского сотрудничества в рассматриваемом трансграничном регионе, то следует констатировать следующее:

во-первых, российско-китайское сотрудничество было локализовано ДВ и СВК, которые в рассматриваемый период находились на начальной фазе формирования макрорегионов;

во-вторых, реализация флагманского проекта – КВЖД – сопровождалась формированием трансграничного региона ДВ-СВК;

в-третьих, смена политических режимов (а они происходили достаточно часто) по обе стороны границы, как и вооружённые конфликты, несомненно, оказывали влияние на российско-китайское сотрудничество, но не отменяли его;

в-четвертых, наряду с формальной регионализацией, шла и неформальная регионализация, в ходе которой имели место не только кросс-культурный обмен, но и обмен самыми различными хозяйственными практиками;

наконец, в-пятых, изначально российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе находилось под воздействием геополитических факторов: на масштабы, направления и формы двустороннего сотрудничества оказывали влияние не только Япония, но и такие глобальные игроки, как США и Великобритания.

В конечном счете именно геополитические факторы, послужившие первопричиной первого "Поворота на Восток" и формирования трансграничного региона, сыграли определяющую роль в том, что регион, как пространственная социально-экономическая целостность, распался.

Конец 1940-х – 1950-е гг.

Это своего рода "золотой век" российско-китайских отношений, когда русский с китайцем были "братья навек". Братство имело под собой идеологическую подоплеку в виде марксизма-ленинизма, а следовательно, строительства социализма²¹. Но было и еще одно основание, имевшее уже геополитический характер.

²⁰ Здесь можно было бы привести множество данных относительно благосостояния жителей Приморья и Приамурья, но мы посчитали возможным вместо этого привести цитату: "Приамурский земледелец живет так, как может представиться крестьянину земледельцу большинства губерний Европейской России только во сне, или в сказке ..." [37, с. 38].

²¹ Несмотря на вполне определенные различия в понимании того, что есть марксизм-ленинизм, у советских и китайских коммунистов, которые в конечном итоге привели к конфронтации.

тический характер: борьба с империалистической угрозой (или обеспечение безопасности обеих стран) в лице, прежде всего, США.

Если на предшествующем этапе трансграничный регион ДВ-Маньчжурия был практически единственной локацией реализации российско-китайского сотрудничества, то на втором этапе сотрудничество вышло за пределы ДВ и СВК, хотя по-прежнему оба макрорегиона (прежде всего, СВК) были основной локацией осуществления сотрудничества.

На СВК в годы первой пятилетки (1953–1957 гг.) приходилось до 50% вновь построенных промышленных объектов и до 25% государственных инвестиций. В результате к 1958 г. на СВК приходилось до 15% суммарного ВРП, 24% промышленного производства, при этом доля региона в численности населения Китая составляла 8% [12, с. 49, 57].

Одновременно шло строительство и модернизация инфраструктуры и промышленных предприятий на юге ДВ, продукция которых была предназначена для реализации на китайских рынках. Однако основные товарные потоки формировались за пределами ДВ, в европейской части СССР. Таким образом, ДВ по большей части выполнял функции транзита²².

В то же время нельзя отрицать и того факта, что ДВ был основным потребителем поступающих из КНР свежих и консервированных овощей, фруктов, мяса и мясопродуктов, яиц, соевых бобов и т.п. Причем важно отметить, что значительная часть этого потока осуществлялась в рамках приграничной торговли, то есть происходил процесс формирования институтов не только на межгосударственном, но и на региональном уровне. Более того, в эти же годы отмечались, хотя и эпизодические, взаимодействия на уровне отдельных организаций, в частности, в сфере сельскохозяйственного производства.

Итак, подведем итоги второго этапа межрегионального российско-китайского сотрудничества:

во-первых, российско-китайское сотрудничество конца 1940-х–1950-х гг. в своей основе имело идеологические основания, которые тесно переплетались с геополитическими и экономическими; при этом советское руководство считало возможным удерживать Китай на положении "младшего брата", но "попытка удерживать Китай на подчиненных ролях, потерпела крах", что привело к конфронтации и в конечном счете к дезинтеграции трансграничного региона;

во-вторых, российско-китайское сотрудничество в отличие от предшествующего этапа не было локализовано в пределах трансграничного региона; более того, имела место определенная асимметрия между китайской и советской частями трансграничного региона: СВК в результате сформировался как индустриальная база общенационального значения, тогда как ДВ остался в положении периферийного региона, который по большей части обеспечивал транзит;

в-третьих, появились новые формы российско-китайского сотрудничества, а именно военно-техническое и туризм и, если первая не несла в себе "региональную компоненту", то вторая – несомненно, да.

Следует также упомянуть еще об одной специфической черте второго этапа сотрудничества между российским ДВ и СВК: об отсутствии трудовых мигрантов из Китая в пределах ДВ.

Конец 1980-х – середина 2010-х гг.

Третий этап российско-китайского сотрудничества охватывает период с подписания ряда межправительственных соглашений о сотрудничестве в 1988 г. между СССР и КНР и до событий на Украине, имевших место в 2014 г. Сразу же следует отметить, что сам факт формирования отношений доверия в сфере безопасности создает условия для сотрудничества, но эти условия не действуют автоматически. Чтобы реализовать потенциал сотрудничества необходима государственная политика, направленная на его реализацию.

Отсутствие внятной региональной политики как в РФ, так и в КНР в начале рассматриваемого этапа сопровождалось децентрализацией принятия управленческих решений на субрегиональном уровне, т.е. на уровне дальне-

²² Даже на пике российско-китайского сотрудничества, то есть на конец 1950-х гг., "доля взаимного приграничного товарооборота в общем государственном составляла всего 0,4%" [29, с. 92].

восточных субъектов РФ и провинций СВК²³. Здесь будет уместным привести цитату из Р. Коуза и Н. Вана: "... череда событий, приведшая Китай к капитализму, никем не планировалась, а итоги реформ оказались полной неожиданностью для всех" [25, с. 11]. По-нашему мнению, этот тезис можно отнести и к трансформационным процессам в РФ.

Поэтому не удивительно, что конец 1980-х и большая часть 1990-х гг. – это время, когда российско-китайское сотрудничество в трансграничном регионе осуществлялось на неформальной основе²⁴. Достаточно вспомнить "челноков"²⁵ и китайские рынки, возникшие во всех сколько-нибудь крупных городах ДВ²⁶. На эти же годы приходится массовый приток на ДВ китайских строительных рабочих²⁷.

И тем не менее следует признать, что китайские товары (продукты питания, одежда, обувь и т.п.) и китайские рабочие, равно как и открытие китайского рынка для товаров, производимых на территории ДВ, сыграли важную роль в стабилизации дальневосточного общества в наиболее сложные годы трансформационного перехода.

Следует иметь в виду, что приграничное сотрудничество в 1990-е–2000-х гг. имело позитивный эффект и для экономики СВК, прежде всего, провинций Хэйлуцзян (в большей мере) и Цзилинь (в меньшей). В наибольшей мере этот эффект проявился в поясе приграничной открытости, то есть в приграничных с ДВ уездах Хэйлуцзяна и Цзилиня. "В 2008 г. их доля во внешнем товарообороте Дунбэя составляла 13%, при этом доля этих территорий в ВРП макрорегиона едва достигала 2%" [18, с. 195]. При этом доля России во внешней торговле крупнейших экономических центров СВК даже в 2016 г. была крайне невелика и составляла для: Шэньяня – 0,6%; Харбина – 3,4%, Чанчуня – 0,4% [18, с. 200]. Если в 2000 г. на Россию приходилось более 91% их товарооборота, то в 2010 г. – только 42% [18, с. 205].

Усилия государства в это время были направлены на создание многочисленных программ и стратегий развития ДВ (в самой разной конфигурации), как, впрочем, и Сибири, содержавших, по мнению авторов одного из докладов Валдайского клуба, "много полезного. Но их объединяет одно: они не работают и работать не могут" [19, с. 20–21]. И с этим выводом трудно не согласиться.

Подведем итоги третьего этапа российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе.

Во-первых, после почти тридцатилетнего периода дезинтеграции возобновление российско-китайского сотрудничества привело к восстановлению трансграничного региона ДВ-СВК, но на качественно иной базе, чем это было в 1950-е гг. Если на предшествующем этапе сотрудничества СССР осуществлял многочисленные инвестиционные проекты на территории СВК, то с конца 1980-х и до событий в Украине 2014 г. основной формой сотрудничества стала приграничная торговля, зачастую с использованием "серых" схем. Что же касается обмена услугами, то за исключением туризма, он был незначителен. Накануне событий в Украине 2014 г., "азиатский вектор политики Рос-

²³ Об особенностях политических процессов в дальневосточных субъектах РФ и Китая: [5; 25].

²⁴ По мнению китайских экспертов, в 1990-е гг.: "... экономическое взаимодействие Китая и России на Дальнем Востоке осуществлялось преимущественно снизу-вверх, тогда как правительства двух стран не имели каких-либо механизмов регулирования и контроля в развитии "спонтанной" трансграничной торговли, что приводило к некоторым негативным последствиям для её участников" [36, с. 16].

²⁵ В конце 2000-х гг. почти 90% от общего числа иностранных туристов, прибывших в Хэйлуцзян, были российские граждане [18, с. 210].

²⁶ В 1993 г. торговля с Китаем формировала 90% всего внешнеторгового оборота Дальнего Востока. С 1992 по 1994 гг. эта доля достигала 50% внешней торговли Хабаровского и Приморского краёв [36, с. 15].

²⁷ В 1990-е гг. ежегодный приток трудовых ресурсов из Китая вырос с 10 до 20 тыс. чел. С начала нового столетия число китайских трудовых мигрантов на Дальнем Востоке установилось на уровне 30–40 тыс. чел. [36, с. 15].

сии еще не наполнился реальным содержанием. Курс на развитие восточных регионов страны застопорился" [19, с. 5]. Все "содержание" свелось к созданию ряда имиджевых проектов в ходе подготовки к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и ряда институциональных новаций²⁸. Ожидаемого притока инвестиций из стран АТР и, прежде всего, из КНР не последовало. Как, впрочем, и опережающего развития экономики ДВ, равно как и повышения доходов проживающего здесь населения. Миграционный отток населения – очевидное тому свидетельство.

Во-вторых, изменилась локация российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК, которое с российской стороны сконцентрировалось в региональных столицах южной зоны ДВ (прежде всего, городские агломерации Владивостока, Хабаровска и Благовещенска), а с китайской – в приграничных городах и уездах. Это не могло не сказаться на изменении конфигурации границ трансграничного региона ДВ-СВК: с российской стороны – это полоса экономического тяготения Транссиба, т.е. Южная экономическая макрizona Дальневосточного макрорегиона, а с китайской – бассейн Сунгари или то, что в начале XX в. именовали Северной Маньчжурией, т.е. без провинции Ляонин и территорий провинции Хэйлунцзян за Большим Хинганом.

"Поворот на Восток" или поворот на Китай?

Современный этап российско-китайского сотрудничества качественно отличается от всех предшествующих, прежде всего, тем, что он происходит на фоне все усиливающейся конфронтации РФ и "коллективного Запада", причиной которой послужили известные события в Украине 2014 г.

В явном виде прослеживается отход от преимущественно экономических целей, которые декларировались в начале "Поворота на Восток", в сторону целей, имеющих, скорее, геополитический и цивилизационный характер.

При этом в явном виде меняются и географические границы (локализация) Поворота и его контекст. Первоначально рассматривались две локализации Поворота: первая – Сибирь и ДВ (именно так: Сибирь и ДВ) и вторая – страны Восточной Азии. Впоследствии же его локализацией стали только ДВ и Китай.

Если первоначально никто не отказывался от концепции "Большой Европы" от Лиссабона до Владивостока, то затем была провозглашена концепция "Большой Евразии"²⁹, а точнее, возможно, "Большой Азии"³⁰.

Итак, ДВ в предлагаемой концепции "Большой Евразии", или, иначе, евразийского партнерства, "на девяносто процентов совпадающего с китайской концепцией "Один пояс, один путь"" [8, с. 6], просто растворился. И тому есть вполне простые причины: России не удалось решить ни задачу вхожде-

²⁸ Речь идет о создании Министерства по развитию Дальнего Востока и таких новациях, как "дальневосточный гектар", свободный порт Владивосток, ТОСЭРы и пр. В подавляющем числе случаев, оценки экспертами [38; 43] эффективности самого Министерства весьма скептические. Только один пример такого рода оценок: "Министерству по развитию Дальнего Востока России, созданному в 2012 году, нечем похвастаться в своей работе. Пока он не выполнил своей основной функции – сделать регион привлекательным как для бизнеса, так и для населения" [43, с. 19].

²⁹ Более подробно о самой концепции Большой Евразии: [8; 20; 21; 22; 45; 46; 50; 51].

³⁰ Д. Тренин отмечает, что с нового уровня взаимоотношений между Россией и Китаем, достигнутого в 2014 г., отношения между Москвой и Пекином, скорее всего, придут к тому, что "вместо Большой Европы от Лиссабона до Владивостока создается Большая Азия от Шанхая до Санкт-Петербурга" [50, с. 15]. Несколько иной точки зрения на причины появления и цели Большой Евразии придерживаются зарубежные политологи [41; 45; 49].

ния в интеграционные процессы в Восточной Азии³¹, ни задачу подъема экономики ДВ на качественно новый уровень³².

Осталось выяснить, почему "Поворот на Восток ... достигнув определённых успехов, выдыхается. Основных причин две. Это была попытка ускоренного развития только Дальнего Востока с его ограниченным человеческим капиталом. Была разорвана Сибирь – единый исторический и экономический регион. В проекте не было идейной основы, которой можно было бы увлечь. Он был по большей части опять же технократическим. Не стал своим, народным, даже и для жителей Тихоокеанской Сибири" [22, с. 23].

Таково мнение одного из идеологов "Поворота на Восток" – С.А. Карганова. Тут и комментировать нечего. Конечно же, хотелось бы подробнее об успехах. Но коль об оных нет ничего, то остается только выразить удивление по поводу: а) отсутствия идейной основы, (т.е. модернизация российского общества и экономики, через интеграцию с быстро развивающимися странами Восточной Азии и ускоренное развитие ДВ – уже не идея и не национальный приоритет на весь XXI в.?) и б) утверждения, что все, что за Уралом – Сибирь (хотя и населению ДВ, и российским администраторам было ясно еще в начале XX в.: ДВ – это не Сибирь и уж тем паче не Тихоокеанская Сибирь).

Показательно, что, несмотря на все институциональные новации, последовавшие вслед за провозглашением "Поворота на Восток", "... 90% инвестиций в регионе по-прежнему обеспечиваются внутривосточными ресурсами. Объём частных и в особенности прямых иностранных инвестиций остаётся незначительным, при этом возможность привлечения инвесторов ограничена европейскими и североамериканскими санкциями" [4, с. 8]. Однако проблема не только в том, что не удалось обеспечить желаемый уровень иностранных инвестиций в экономику ДВ. Еще большей проблемой является сокращение размеров государственного финансирования, начиная с 2013 г.

Ознакомившись с позицией европейских экспертов относительно состояния российско-китайских отношений между ДВ и СВК, уместно обратиться к одной из работ китайских исследователей, а именно Ф. Шаолэй и Ц. Хэн [36]. После констатации факта, что лидеры и правительства обеих стран прилагают колоссальные усилия для продвижения проектов сотрудничества между СВК и ДВ, следует признание, что реализация проектов оставляет желать лучшего. Так, из 104 крупных проектов с суммарными инвестициями в размере 47,9 млрд. долл., которые должны быть завершены в 2016 г., было реализовано 25 проектов с суммарными инвестициями 11,77 млрд. долл. При этом из всех проектов, запланированных на российской стороне, лишь 8 привлекли китайские инвестиции в размере 1,77 млрд и только один из запланированных проектов на китайской стороне привлёк российские инвестиции в сумме 0,63 млрд. долл. [36, с. 18].

Еще более важен для понимания сотрудничества между ДВ и СВК результирующий вывод, к которому приходят китайские эксперты: "При нынешнем масштабе и уровне торгово-экономического сотрудничества рыночная интеграция Китая и России невозможна в условиях нехватки необходимого персонала, капитала, масштабы рынка и объёма услуг" [36, с. 20].

Однако, есть один аспект проблемы, на который обращают внимание, не только китайские, но и западноевропейские эксперты. Это уровень доверия между партнерами. Так, И. Бонд приводит мнение китайских аналитиков: "инвестиционные условия в России всегда были плохими и не улучшились после украинского кризиса, несмотря на обнадеживающие заявления российского руководства. Китайские компании хотели бы инвестировать, но риски были слишком высоки" [39, с. 19].

³¹ Приведем ряд статистических данных для иллюстрации положения дел в торгово-экономических отношениях РФ и стран Восточной и Юго-Восточной Азии: "В 2021 году на долю Китая приходилось 14 % экспорта российских товаров и 24 % импорта. Напротив, ... доля России в китайской торговле практически не изменилась в течение последнего десятилетия. В экспорте китайских товаров она составляет около 2 %, а в импорте – около 3 %" [44, с. 11; 19, с. 10, 12, 16, 20].

³² По мнению А.Г. Аганбегяна "...общая задача, поставленная перед Дальним Востоком, – развитие всей экономической системы, характеризуемое темпами роста валового регионального продукта, весьма далека от решения" [2, с. 167].

Неслучайно, что наиболее успешной формой сотрудничества в трансграничном регионе является приграничная торговля (в которой преобладают малые фирмы), на долю которой приходится немногим более 15% товарооборота между двумя странами [43, с. 19].

Поэтому, стоит обратить внимание хотя бы на некоторые положения работы Д. Тренина "Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга". В частности, "при всех успехах Китая россияне не считают его особенно привлекательной страной в плане модернизации и инноваций. В то же время они по-прежнему ценят его как политического партнера и "уравнивающую" силу на мировой арене, чей вес и значение быстро увеличиваются" [51, с. 13]. Это своего рода политический и экономико-технологический аспект. Но есть еще культуральный аспект: "... китайцы считают, что в культурном плане между ними и россиянами есть мало общего. Россияне придерживаются того же мнения" [51, с. 23].

Если же от затаившегося анализа различных точек зрения на современное состояние российско-китайских отношений вернуться к трансграничному региону ДВ-СВК, то следует отметить, что впервые регион, если и не распался, то как минимум оказался на грани полной дезинтеграции вначале из-за антиковидных мер, а затем и все усиливающихся санкций в отношении РФ. Хотя КНР формально не присоединилась к санкциям и даже увеличила импорт углеводородов из РФ (правда, с большим дисконтом), высокий уровень вовлеченности китайской экономики в глобальную экономику делает крайне неопределенными перспективы российско-китайского сотрудничества. Как и то, в каком направлении и в каких формах будет функционировать трансграничный регион ДВ-СВК, который может превратиться просто в территорию транзита российских углеводородов из России в Китай.

Заключение

Итак, время подводить итоги ретроспективного анализа российско-китайского сотрудничества в трансграничном регионе "ДВ-СВК". Но прежде кратко о том контексте, в рамках которого формировался, а затем и видоизменялся исследуемый нами трансграничный регион.

Во-первых, российско-китайское сотрудничество с момента своего зарождения и по настоящее время никогда не было делом двух стран – России и Китая; статус великих держав неизбежно привлекал внимание других глобальных геополитических игроков, которые оказывали большее или меньшее влияние на двусторонние отношения Китая и России.

Во-вторых, в обеих странах имеет место высокий уровень переплетения отдельных подсистем общества, каждая подсистема (экономическая, социально-культурная, политическая) видоизменяется в зависимости от других, поэтому выделить какую-то из них в качестве доминирующей весьма проблематично.

В-третьих, трансграничный регион ДВ-СВК с момента возникновения в конце XIX – начале XX вв. находился в состоянии постоянных изменений: периоды сотрудничества (интеграции) перемежались периодами конфронтации (вплоть до военного противостояния) или дезинтеграции, что сопровождалось изменениями конфигурации границ региона. Иначе говоря, имеет место не линейный, а, скорее всего, циклический характер трансформационных процессов в пределах трансграничного региона ДВ-СВК.

В-четвертых, на разных этапах сотрудничества в трансграничном регионе ДВ-СВК формы сотрудничества и их значимость не оставались неизменными; неизменным оставалось то, что сотрудничество осуществлялось как в рамках государственной политики, так и на неформальной основе.

В-пятых, в настоящее время по обе стороны границы происходит если и не отказ от масштабных усилий по модернизации экономики ДВ ("Поворот на Восток") и СВК, то, по крайней мере, замедление трансформационных процессов. Это не могло не сказаться на трансграничном регионе ДВ-СВК, который все более выполняет транзитные функции при свертывании взаимодействия между российской и китайской частями. В конечном счете это привело к локализации сотрудничества (в первую очередь, экономического) в приграничных уездах и городах с китайской стороны, и в крупнейших городских агломерациях (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) – с российской.

Наконец, говоря о современном этапе, следует отметить, что после 24 февраля 2022 г. события в трансграничном регионе развиваются в условиях крайней неопределенности, источники которой находятся далеко за пределами региона и задаются не только и даже не столько взаимоотношениями между КНР и РФ, сколько действиями "коллективного Запада". Дополнительным источником неопределенности является само географическое положение трансграничного региона. Обычно, говоря о географическом положении отмечают, что оно само по себе работает на потенциал развития, но нынешняя ситуация напоминает, что у каждой медали есть обратная сторона. Соседское положение таких стран, как КНР, Япония, США и Россия, которые, по определению С. Хантингтона, относятся к стержневым государствам сразу четырёх разных цивилизаций, дает основания предположить – такое соседство имеет не только положительные последствия, но и как минимум включает в себе конфликтный потенциал. Конечно, в обозримой перспективе реализация этого потенциала маловероятна, но вполне возможна [10, с. 8].

Литература

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). Автореф. дис... д.и.н. М.: Институт Дальнего Востока, 2005. 44 с.
2. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187.
3. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М.: Географгиз, 1948. 300 с.
4. Блакисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р. Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений. М., 2018. 11 с.
5. Бляхер Л.Е. Региональные бароны // *Отечественные записки*. 2012. № 3. С. 305–311.
6. Бляхер Л.Е., Бляхер М.Л. Город в тени империй: жизнь, смерть и посмертие "имперского города" Харбина // *Полития*. 2022. № 1. С.131–161.
7. Вишневецкий Д. С., Демьяненко А. Н. Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России // *Пространственная экономика*. 2010. № 4. С. 6–31.
8. Вперёд к Великому океану - 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе. М., 2018. 64 с.
9. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / *Труды Амурской экспедиции*. Вып. XI. СПб, 1912. 464 с.
10. Демьяненко А.Н. О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта // *Регионалистика*. 2016. Т. 3. № 3. С. 6–13.
11. Демьяненко А.Н. Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона // *Регионалистика*. 2017. Т. 4. № 5. С. 5–19.
12. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61.
13. Демьяненко А.Н., Ярулин И.Ф., Бурик М.В., Клиценко В.М. Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение. Препринт научного доклада. М.: ИКСА РАН, 2022. 70 с.
14. Жигалов Б.С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // *Вестник Томского Государственного Университета. История*. 2008. №1. С. 22–44.
15. Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70.
16. Исаченко А.Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008. 320 с.
17. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) М.: Наука, 1990. 471 с.
18. История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старо промышленной базы. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
19. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба "Валдай", 2019. 352 с.
20. Караганов С.А. Введение // *К Великому океану – 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи*. М., 2016. С. 5–6.
21. Караганов С.А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия) // *Вопросы географии*. 2019. № 148. С. 9–15.
22. Караганов С.А. Сибирь – исток и будущее нашего величия как державы // *Вопросы географии*. 2022. № 154. С.17–27.

23. Колосовский Н.Н. Перспективы хозяйства Дальнего Востока // Бюллетени Госплана. 1923. № 11–12. С. 102–110.
24. Колосовский Н.Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. №5. С. 236–246.
25. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
26. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 с.
27. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54.
28. Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 66–99.
29. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с.
30. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования / Л. Е. Бляхер, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76.
31. Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 205–210.
32. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1989. 127 с.
33. Татценко К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
34. Ури Дж. Мобильности М.: Праксис, 2012. 576 с.
35. Урри Д. Как выглядит будущее? М.: Изд. дом "Дело" РАНХиГС, 2019. 320 с.
36. Шаолэй Ф., Хэн Ц. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы. М., 2019. 24 с.
37. Шликевич С.П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье / Труды Амурской экспедиции. Вып.5. СПб., 1911. 142 с.
38. Blakkisrud H. Russia's turn to the East: The Ministry for the Development of the Far East, and the domestic dimension // Policy Brief. 2017. No 8. 4 p.
39. Bond I. Russia and China. Partners of choice and partners of choice and necessity? London: Centre for European Reform, 2016. 54 p.
40. Cartier C. Origins and Evolution of a Geographical Idea. The Macroregion in China // Modern China. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 79–143.
41. Christoffersen G. The Russian Far East and China's Northeast: A Decade in the Shadow of the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/the-russian-far-east-and-chinas-northeast-a-decade-in-the-shadow-of-the-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 15.01.2023).
42. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. The myth and reality of the Russian Far East as economic system // Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Vladivostok, 2020.
43. Development of Russian-Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations: Working Paper 20/2015 / [V.E. Petrovsky et al.]; RIAC. Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
44. Korhonen L., Heli Simola N. How important are Russia's external economic links? // BOFIT Policy Brief 2/2022. 14 p.
45. Köstem S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Kennan Cable. 2019. No. 40 (February). 9 p.
46. Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? / Diesen, G., Lukin, A. (eds). The Return of Eurasia. Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. P. 33–78.
47. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // Environment and Planning A. 1991. Vol. 23. P. 239–256.
48. Paasi A. Regions are social constructs, but who or what 'constructs' them? Agency in question // Environment and Planning A. 2010. Vol. 42. P. 2296–2301.
49. Rozman G. Tracking Russia's 'Turn to the East' over a Decade // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/tracking-russias-turn-to-the-east-over-a-decade/> (дата обращения: 15.01.2023).
50. Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center, 2015. 21 p.
51. Trenin D. The End of EURASIA: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Carnegie Moscow Center, 2002. 340 p.

References

1. Ablova N.E. CER и Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (The First half of the Twentieth Century). M.: Far East Institute, 2005. 44 p. (In Russ.).
2. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: a National Program in the Context of National Projects // *Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. no. 3. P. 165–187. (In Russ.).
3. Anuchin V.A. Geographical articles of Manchuria. M.: Geographgiz, 1948. 300 p. (In Russ.).
4. Blakkisrud H., Rowe E.W., Vakulchuk R. Russia's Far East Initiatives in Troubled Geopolitical Times. M., 2018. 11 p. (In Russ.).
5. Blyakher L.E. The regional barons // *Domestic Notes*. 2012. No.3. P. 305–311. (In Russ.).
6. Blyakher L.E., Blyakher M.L. City in the shadow of empire: life, death and afterlife "emperor city" of Harbin // *Politija*. 2022. No 1. P. 131–161. (In Russ.).
7. Vishnevskiy D.S., Demyanenko A.N. Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: The Russian Far East // *Spatial Economics*. 2010. No. 4. P. 6–31. (In Russ.).
8. Toward the Great Ocean – 6: people, history, ideology, education. The way to myself. M., 2018. 64 p. (In Russ.).
9. Grave V.V. Chinese, Korean and Japanese in Amur Region / *Amur expedition Essays*. Vol. XI. SPb, 1912. 464 p. (In Russ.).
10. Demyanenko A.N. On the Strategic Initiatives for Development of Russian Far East in the Context of Historical Experience // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 6–13. (In Russ.).
11. Demyanenko A.N. Russian Far East: The Formation of Economic Macroregion // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2017. Vol. 4. No. 5. P. 5–19. (In Russ.).
12. Demyanenko A.N., Izotov D.A. Territorial Organization of Economy of the People's Republic of China and Problem of economic zoning // *Spatial economics*. 2008. No 1. P. 43–61. (In Russ.).
13. Demyanenko A.N., Yarulin I.F., Burik M.V., Klitsenko M.V. Russian-Chinese cooperation in new realities: regional dimension. Preprint. M.: ICCA RAS, 2022. 70 p. (In Russ.).
14. Zhigalov B.S. CER in Far East Politic (1906–1914) // *Tomsk State University Journal of History*. 2008. No. 1. P. 22–44. (In Russ.).
15. Izotov D.A. The Problems of Economic Interaction between Neighboring Regions of Russia and China // *Regionalistica [Regionalistics]*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 48–70. (In Russ.).
16. Isachenko A.G. Landscape Earth Structure, resettlement, environmental management. SPb., 2008. 320 p. (In Russ.).
17. History of Far East of USSR in feudal and capitalism period (XVII – feb 1917) M.: Science, 1990. 471 p. (In Russ.).
18. The History of Northeast China XVII–XXI Century: in 5 vol. Vol. 5. Northeast China during the Revival of Old Industrial Base. Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2018. 356 p. (In Russ.).
19. Toward to Great Ocean: Chronicle Turn to the East. Valday club collection of Reports. M.: Development and Support Fund of International Valday discussion club, 2019. 352 p. (In Russ.).
20. Karaganov S.A. Introduction // *Toward to Great Ocean – 4: Turn to the East. Preliminary results and New Tasks*. M., 2016. P. 5–6. (In Russ.).
21. Karaganov S.A. Russia – returning home (instead Foreword) // *Geography researches*. 2019. Vol.148. P. 9–15. (In Russ.).
22. Karaganov S.A. Siberia – the Source and Future of Our Greatness as a Country // *Geography researches*. 2022. Vol. 154. P. 17–27. (In Russ.).
23. Kolosovskii N.N. Perspectives of Far East Economy // *Gov plan Bulletins*. 1923. No.11-12. P. 102–110. (In Russ.).
24. Kolosovskii N.N. Economic Problems of Siberia // *Planned economy*. 1925. No. 5. P. 236–246. (In Russ.).
25. Coase R., Wang N. How China Became Capitalist. M.: New Publishing, 2016. 386 p. (In Russ.).
26. Leskin V.N., Shvetsov A.N. State and regions. M.: URSS, 2000. 368 p. (In Russ.).
27. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration In Russia's economic space: methodological aspects // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54. (In Russ.).
28. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration In Russia's economic space: methodological aspects // *Ojkumena. Regional researches*. 2018. No. 4. P. 43–54. (In Russ.).
29. The world after the war: the Far-Eastern Society in 1945–1950's years. Vladivostok: Dalnauka, 2009. 696 p. (In Russ.).
30. Region: problems of conceptualization, identification and construction / Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., [etc] // *Ojkumena. Regional researches*. 2021. No. 1. P. 67–76. (In Russ.).
31. Samoylov N.A., Starovoytova E.O., Khodjakov M.V., Yanchenko D.G. Chinese Eastern Railway – the Heritage of Two Empires: Research Perspectives // *Modern history of Russia*. 2016. No. 3. P. 205–210. (In Russ.).
32. Solov'ev F.V. Chinese seasonal work In Russian Far East in times of capitalism. M.: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.).

33. Tatcenko K.V. Economic cooperation tendencies In Russian Far East and Northeast China. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 216 p. (In Russ.).
34. Urry J. Mobilities. M.: Praxis, 2012. 576 p. (In Russ.).
35. Urry J. What is the future? M.: "Delo" RANEPА, 2019. 320 p. (In Russ.).
36. Shaolei F., Heng C. Development of the Far East and Sino-Russian Relations: A New Vision and New Approaches. M., 2019. 24 p. (In Russ.).
37. Shlikevich S.P. The colonization value of agriculture in the Amur region / The results of the Amur expedition. Vol.5. SPb., 1911. 142 p. (In Russ.).
38. Blakkisrud H. Russia's turn to the East: The Ministry for the Development of the Far East, and the domestic dimension // Policy Brief. 2017. No. 8. 4 p.
39. Bond I. Russia and China. Partners of choice and partners of necessity? London: Centre for European Reform, 2016. 54 p.
40. Cartier C. Origins and Evolution of a Geographical Idea. The Macroregion in China // Modern China. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 79–143.
41. Christoffersen G. The Russian Far East and China's Northeast: A Decade in the Shadow of the Belt and Road Initiative // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/the-russian-far-east-and-chinas-northeast-a-decade-in-the-shadow-of-the-belt-and-road-initiative/> (accessed 15.01.2023).
42. Demyanenko A.N., Ukrainsky V.N. The myth and reality of the Russian Far East as economic system // Proceedings of the International Scientific Conference "FarEastCon" (ISCFEC 2020). Series: Advances in Economics, Business and Management Research. Vladivostok, 2020.
43. Development of Russian-Chinese Trade, Economic, Financial and Cross-Border Relations: Working Paper 20/2015 / [V.E. Petrovsky et al.]; RIAC. Moscow: Spetskniga, 2015. 36 p.
44. Korhonen L., Heli Simola N. How important are Russia's external economic links? // BOFIT Policy Brief 2/2022. 14 p.
45. Köstem S. Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects // Kennan Cable. 2019. No. 40 (February). 9 p.
46. Lukin A., Novikov D. Greater Eurasia: From Geopolitical Pole to International Society? / Diesen, G., Lukin, A. (eds). The Return of Eurasia. Palgrave Macmillan, Singapore, 2021. P. 33–78.
47. Paasi A. Deconstructing regions: notes on the scales of spatial life // Environment and Planning A. 1991. Vol. 23. P. 239–256.
48. Paasi A. Regions are social constructs, but who or what 'constructs' them? Agency in question // Environment and Planning A. 2010. Vol. 42. P. 2296–2301.
49. Rozman G. Tracking Russia's 'Turn to the East' over a Decade // The Asan Forum. November - December 2022 / Special Forum Issue "Conceptualizing the Big Picture In Russia's "Turn to the East". URL: <https://theasanforum.org/tracking-russias-turn-to-the-east-over-a-decade/> (accessed 15.01.2023).
50. Trenin D. From Greater Europe to Greater Asia? The Sino-Russian Entente. Carnegie Moscow Center, 2015. 21 p.
51. Trenin D. The End of EURASIA: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Carnegie Moscow Center, 2002. 340 p.

Информация об авторах

Александр Николаевич Демьяненко, д-р. геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Максим Вадимович Клиценко, канд. соц. наук, директор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Information about the authors

Aleksandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Maksim V. Klitsenko, Candidate of Sociology, Director of the Higher school of media, communication and service, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 007756@pnu.edu.ru

Поступила в редакцию 21.12.2022

Одобрена после рецензирования 12.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Received 21.12.2022

Approved 12.02.2023

Accepted 16.02.2023